

Цветы не дождались весенней поры.

Алые лепестки кружились в воздухе, словно откликаясь на скорбь этого человека.

Анлэ невольно тоже стало грустно. Она не то чтобы ничего не чувствовала из-за смерти Мужун Пиньжу, просто еще не успела свыкнуться с этим миром. Она не была глупой, и такой немислимый поворот событий любой нормальный человек не смог бы принять за день-два. К тому же младенцы по природе своей много спят, и она никак не ожидала, что, проснувшись однажды, обнаружит: та нежная, как вода, но часто казавшаяся слишком отстраненной женщина исчезла из её мира навсегда. До сих пор всё казалось ей сном.

Вспомнив об этом сейчас, она невольно прониклась печалью. Когда она только появилась на свет и открыла глаза, первым, кого она увидела, была та, кого она всю жизнь называла матушкой. Эти ласковые прикосновения, тихие слова, глубокий взгляд — теперь всего этого она больше никогда не почувствует, не услышит и не увидит.

— Генерал, все гости в сборе, — доложил подосланный управляющим слуга.

— Хорошо, я понял... — Аньцихоу торопливо смахнул слезы с уголков глаз. Его голос звучал низко и с легкой хрипотцой.

Пир начинался.

Яэр взяла Анлэ на руки, и они вместе с Аньцихоу вошли в главный зал. Шумный, многолюдный зал в тот момент, когда нога генерала ступила на порог, затих так, что можно было услышать, как падает игла.

Вжик!

— Приветствуем генерала! — все как один сложили руки в приветственном жесте.

Голоса были такими громкими, что закладывало уши.

Анлэ, широко открыв глаза, с нескрываемым обожанием смотрела на спину своего батюшки, чувствуя гордость за то, что она — дитя высокопоставленного чиновника. Её отец действительно оправдывал звание генерала, защищающего страну! Эта аура! Эта стать! Этот напор!

По сравнению с тем, как он выглядел буквально минуту назад, это был совершенно другой человек. Он так быстро взял себя в руки, что, родись её дешевый папаша в современном мире, он вполне мог бы стать кинозвездой и прославить предков.

Анлэ вертела головой, осматриваясь и мысленно усмехаясь.

— Присаживайтесь, господа. Сегодня день рождения моего сына, и для меня честь, что вы нашли время прийти. Оставим лишние формальности, — Аньцихоу с улыбкой на устах после дежурных фраз махнул рукой, приглашая всех занять места.

Аньцихоу не то чтобы не любил Анлэ, просто его самая любимая женщина, Мужун Пиньжу, скончалась совсем недавно, и устраивать пышное торжество было бы неуместно. По всем правилам приличия он не собирался отмечать годовасие дочери. Однако его законная супруга Син Аосюэ неожиданно заявила, что хоть наложница остается наложницей и её табличка не может быть внесена в родовую кумирню, ребенок всё равно принадлежит роду Ань, и всё положенное ему должно быть соблюдено, чтобы не давать поводов для сплетен.

Только тогда Аньцихоу неохотно согласился.

Если бы Яэр услышала это, она бы пришла в ярость и сплюнула: Лицемеры! В конечном счете, всё ради сохранения лица резиденции генерала! Этот великий генерал Ань на каждом шагу твердит, что её госпожа была его единственной любовью всей жизни, но что он сделал для неё? Её госпожа была любимой дочерью в приличном доме, и дело даже не в том, нужно им это или нет, но после смерти её табличке даже не позволили войти в кумирню мужа, она не получила ни капли признания от рода Ань. Как тут не злиться? Все эти мужчины — никуда не годные создания!

Из-за требований Син Аосюэ Аньцихоу решил пригласить подчиненных и нескольких близких коллег по службе.

В конце концов, все они были одной семьей, но Син Аосюэ с двумя детьми на пир не явились, и Аньцихоу позволил им это. Те, кто был знаком с генералом, знали, кто такая его жена: дочь прославленного первого премьера Фуюня, Син Цюя. С такой семьей лучше не связываться, и никто не осмеливался обсуждать, почему она не соизволила присутствовать на празднике ребенка наложницы.

Всего собралось человек пятьдесят-шестьдесят. Многие пришли с семьями, но преобладали потные и шумные мужики. Каждый рвался взглянуть на третьего сына семьи Ань, и Анлэ чувствовала, что скоро задохнется от этого запаха! Она сопротивлялась как могла: ей совсем не нравилось, что её передают из рук в руки, а некоторые грубияны, чтобы проверить, крепок ли младенец, бесцеремонно тискали её за попу... Это было невыносимо! Настоящие извращенцы! Анлэ подумывала притвориться, что потеряла сознание, но побоялась, что это ударит по авторитету батюшки.

Она живо представила, как Аньцихоу, разоблачив её уловку, в ярости рявкнет: Разве дети рода Ань могут быть такими слабаками! — а затем, выхватив огромный меч, призовет старшего брата и сестру, которых она еще не видела, чтобы те показали мастер-класс по разбиванию камней на груди, после чего вышвырнет её из дома, и ей придется просить милостыню с разбитой чашкой.

Какая трагическая история!

Так как она была маленькой, безденежной и находилась в чужом доме, ей приходилось склонить голову, отчего Анлэ пребывала в глубокой тоске.

Один богато одетый мужчина, беседовавший с Аньцихоу, вдруг заметил страдальческое выражение на лице Анлэ. Конечно, она тоже увидела его и уставилась на него с таким несчастным видом, что её взгляд был красноречивее любых слов: Спаси меня, дружище!

Ван Сянь-ван замер, в его глазах промелькнуло странное выражение.

Возможно, он никогда не видел младенца с такой богатой мимикой, а возможно, это показалось ему слишком комичным. Наконец, он не выдержал и прыснул со смеху. Ему хотелось верить, что ребенок просто не выносит запаха пота толпы мужиков, и, может быть, он сможет спасти это дитя из огня да в полымя? Сдерживая смех, он кашлянул и похлопал Аньцихоу по плечу: Генерал Ань, кажется, самое интересное вот-вот начнется. Дети любят поспать, не заставляйте вашего сына ждать.

Спасенная этим импозантным мужчиной с ухоженными усами, Анлэ наконец выбралась из пучины отчаяния. Однако она не собиралась отвечать благодарностью. Закатив глаза, она подумала: Больше всего на свете ненавижу тех, кто злорадствует! Думаешь, я не видела, как ты сдерживал смех!

Началась церемония. Анлэ посадили на большой круглый стол, вокруг которого разложили мечи, веера, печати, сутры, кисти, счеты, монеты, бухгалтерские книги, украшения, цветы, румяна, сладости, игрушки, лук и чеснок. Всё, кроме лука и чеснока, было инкрустировано золотом, серебром и драгоценными камнями.

Ого! Сплошь настоящие антиквариаты! Посмотрите, посмотрите: золото, серебро, нефрит! А этот длинный меч — гляньте на этот блеск, на эту фактуру! Даже она, дилетант, понимала — вещь стоит целое состояние!

Тум-тум-тум!

В голове Анлэ все эти предметы автоматически конвертировались в юани. Ей казалось, она слышит, как сумма на её воображаемом счету растет.

Я хочу всё это! Я всё заберу!

Глаза Анлэ светились от возбуждения. Она напрочь забыла все наставления Яэр, которая вчера до хрипоты объясняла ей, что нельзя брать, что можно потрогать и к чему категорически запрещено прикасаться.

Простите... — хотела сказать она.

Но она же хочет всё! Почему она должна отказываться от денег?

Анлэ сияла от счастья.

Яэр, увидев её выражение лица, почувствовала недоброе.

Неужели... не может быть... неужели она хочет...

Анлэ с досадой посмотрела на свои пухлые ручки. Эх! Такие маленькие, что ими возьмешь? Вдруг её взгляд упал на предмет неподалеку, и в голове созрел план.

Все затаили дыхание, напряженно наблюдая, куда потянутся ручки ребенка.

Маленькие пухлые ладошки метнулись вперед.

Яэр, заметив, что Анлэ схватила украшения и румяна, едва не лишилась чувств.

В отчаянии она закричала про себя: Маленькая госпожа! Ты хочешь, чтобы весь мир узнал, что ты девочка, или хочешь, чтобы тебя потом считали женоподобным юношей?

Зрители начали перешептываться: Что это с третьим сыном семьи Ань? Да уж, какой позор для генерала. Они совершенно забыли, что находятся в гостях и что им тут еще пировать.

Лицо Аньцихоу помрачнело. Его наследник, потомок генеральского рода, схватился за пудреницу и румяна!

Но люди вскоре притихли, заметив, что Анлэ, что-то агукая, тянет ручки к симпатичной служанке, протягивая ей вещи.

Все вытаращили глаза: такой малыш, а уже умеет ухаживать за девушками? Какое блестящее будущее...

— Молодой господин, это... это мне? — недоверчиво спросила Яэр.

Анлэ радостно закивала.

Яэр залилась слезами. Маленькая госпожа так добра ко мне! Такая кроха, а уже знает, как проявить заботу. Она знает, что я давно заглядываюсь на румяна из лавки Цзяцзиньсюань, но у

меня нет денег, и она дарит их мне! А эти украшения с бирюзой! Как же это прекрасно!

Анлэ, увидев слезы на глазах служанки, поняла, что та всё не так поняла. Она запрыгала от нетерпения: Идиотка! Это я просила тебя поддержать их для меня! В моем нынешнем положении мне не пристало прятать косметику в карманы, мне нужно зарабатывать популярность для будущего!

Увидев эту сцену, Аньцихоу немного смягчился. Он подумал, что после смерти Пиньжу за Анлэ присматривала Яэр, и девочка в столь юном возрасте уже понимает, как отвечать добром на добро. Неплохо, есть чему учить.

Анлэ посмотрела на Яэр и, вытянув пухлую ручку, указала на предмет неподалеку.

Зрители, любители домыслов, решили: О! Это не подарок, а сделка? Хм... такой маленький, а уже умеет подкупать людей. Опасный ребенок.

— Молодой господин, вам это нужно? — Яэр принесла пустое деревянное ведро, которое, видимо, забыла убрать служанка после полива растений.

Анлэ серьезно кивнула, похлопав по полу рядом с собой, указывая, куда поставить ведро.

Все недоумевали, как служанка так легко понимает младенца, но тут произошло то, от чего у всех отвисли челюсти!

Что они увидели?!

Ведро было выше самой Анлэ, но она с невероятным азартом начала кидать в него золотые и серебряные сокровища со стола! После долгих колебаний она бросила туда даже лук с чесноком, но не тронула печать и меч.

Анлэ мысленно выла: Да, именно так! Потому что какой-то идиот положил туда меч весом в двадцать-тридцать килограммов! Я что, могу его поднять? А печать? Посмотрите, это же просто камень! Лук и чеснок я хотя бы смогу отдать Яэр, чтобы она приготовила яичницу, а что делать с куском камня?

Анлэ не знала, что этим идиотом был её отец, а меч принадлежал ему же.

Проигнорировав тяжелые и бесполезные предметы, Анлэ, словно ящерица, прилипла к ведру и замерла.

Третий прием из «Восемнадцати способов захвата богатства» Анлэ: то, что я защищаю ценой жизни — моё, а то, что не моё, рано или поздно станет моим! А если не станет — я буду

достаточно бесстыжей, чтобы сделать их своими.

В общем, всё, что она честно наворовала в ведро, никто не имел права забрать!

Никто никогда не видел подобного. Все были ошеломлены: что он делает? Защищает богатство? Ему же всего несколько месяцев!

Аньцихоу схватился за голову. Он приказал служанкам уговорами забрать вещи, но Анлэ ни за что не отпускала ведро. Если кто-то пытался вытащить что-то из него, она смотрела таким страшным взглядом, будто готова была съесть обидчика: Да у вас кишка тонка!

Служанки были в растерянности — этот ребенок был настоящим демоном, да еще и умел так глянуть...

Только когда Аньцихоу, не найдя другого выхода, пообещал, что после окончания пира все эти вещи будут доставлены в покои Анлэ, она послушно отпустила ведро и, сияя от успеха, залезла на руки к Яэр.

Гости молча смотрели на триумфальную Анлэ. За свою жизнь они повидали многое, но такое — впервые.

Многие из них верили в предсказания, и теперь, видя, что сын генерала Аня не стремится к великим свершениям и не хочет, как отец, проливать кровь за страну, они лишь качали головами. Но самым возмутительным было то, что этот мальчик — прирожденный скряга!

Смотрите на эти ручки и ножки... вцепились в драгоценности, а улыбка такая, что глаз не видно. Они искренне сочувствовали генералу — такое несчастье в семье!

Яэр было всё равно. Она радостно улыбнулась: Маленькая госпожа проделала отличную работу! Неважно, что она забрала вещи, главное, что она не стала играть с румянами, а была удовлетворена остальным. Мои ночные наставления не прошли даром, хотя она сделала всё по-своему, но у неё врожденный талант! Кажется... быть занудой иногда очень полезно!

— Этот ребенок в будущем совершит нечто великое, — пробормотал Ван Сянь-ван, глядя на Анлэ. Его взгляд был глубоким и полным печали, которую никто не мог разгадать.

Юный господин Анлэ.

Много лет спустя.

Полдень в столице был оживленным: люди снуют туда-сюда, повозки едут нескончаемым потоком, крики зазывал и торговцев не смолкают ни на минуту. Всё это привлекало молодых господ и барышень, которые останавливались, чтобы поболтать и присмотреться к товарам.

Вот и сейчас, у прилавка с украшениями, молодая изящная девушка под зонтиком из желтой промасленной бумаги, купив желанную заколку, выглядела невероятно счастливой. Она повернулась и грациозной походкой направилась прочь.

Вдруг кто-то слегка коснулся её плеча.

За её спиной раздался мягкий, приятный голос: — Девушка, вы обронили платок.

Девушка растерянно обернулась.

Когда она увидела того, кто к ней обратился, вся её растерянность мгновенно сменилась восторженным блеском в глазах!

О боже, какой красавец! В сердце девушки закипела буря!

Перед ней стоял юноша лет семнадцати-восемнадцати в белом шелковом халате с золотым поясом. Его черные как смоль волосы были наполовину собраны черной сандаловой заколкой, а остальные пряди свободно спадали на спину. Чистые, как вода, глаза, тонкие черты лица, легкая полуулыбка на губах — если бы не живая искра в его облике, она бы приняла его за спустившегося на землю небожителя, не знающего земных забот!

Как в этом мире может существовать настолько красивый человек!

Возможно, присутствие этого юноши было настолько ослепительным, или же он действительно пришелся ей по душе, но она полностью проигнорировала другого человека — мужчину с каменным лицом, который стоял позади юноши. Она видела только изысканное лицо прекрасного господина.

Что? Мужчина с каменным лицом? Разве здесь есть кто-то еще? Нет, я вижу только этого благородного юношу!

Девушка застенчиво прикрыла лицо рукой, думая: сегодня я решила прикинуться скромницей, и надо же — встретила свою судьбу! Что такое судьба? Если не такой красавец, то кто? Не те же бугаи из охранного агентства моего отца?

Кхм, нужно соблюдать приличия!

Она украдкой смахнула слюну с уголка рта и, подняв голову, с застенчивой улыбкой спросила:

— Смею спросить, как ваше имя, господин?

— Э-э... я просто хотел вернуть вам платок, — юноша неловко протянул ей вещь.

— Ой, господин, раз он вам нравится, я с радостью подарю его вам. А насчет значения... вы же понимаете, — девушка кокетливо подмигнула ему. — Это же знак верности!

Их диалог напоминал разговор слепого с глухим.

— ... — у юноши дернулся уголок рта. Он подумал: когда я говорил, что хочу твой платок? Подарить мне вещь, в которую кто-то сморкался или вытирал слезы, — в чем смысл? Я совсем не хочу этого понимать!

Юноша чувствовал себя неловко, платок в его руке казался раскаленным углем — ни выбросить, ни оставить.

В тот момент, когда девушка, отбросив скромность, начала строить ему глазки, мимо, опираясь на трость, заковыляла старушка. Она споткнулась и нечаянно толкнула юношу в белом.

— Ой... прошу прощения, — засуетилась старушка. — Старость не радость, ноги совсем не слушаются. Надеюсь, господин не в обиде и простит старуху.

Юноша в белом поддержал её и приветливо улыбнулся: — Ничего страшного. Вы сами-то не ушиблись?

Старушка хотела поблагодарить его, но, подняв взгляд и увидев лицо юноши, широко раскрыла глаза. Трость с грохотом упала на землю.

Сердце старухи сжалось от горя!

Проклятье, почему я сегодня не посмотрела в календарь перед выходом...

Старушка глубоко вздохнула, решив пожертвовать своей хрупкой поясницей и ногами. Она развернулась на сто восемьдесят градусов и что есть мочи заорала:

— Все бегите! Это третий сын семьи Ань! Третий сын семьи Ань пришел!!

Что?!

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба!

Мужчины и женщины на улице замерли.

В следующую секунду начался хаос: люди в мгновение ока побросали прилавки, трактиры, чайные и магазины начали запирать двери и ставни.

Ни души!

Та самая девушка с зонтиком, услышав крик старухи, широко открыла глаза от ужаса. Она слышала, как опасен этот Третий сын семьи Ань, хоть и не видела его раньше. Как она могла забыть, что красивыми бывают не только небожители, но и вестники беды! Она, побросав всё, бросилась наутек.

В конце концов, на пустой улице осталась только старая слепая черная собака, которая смотрела на двоих мужчин. Но и она вскоре исчезла — какая-то героическая женщина выскочила из ниоткуда, схватила пса и умчалась с такой скоростью, что Анлэ засомневалась, не привиделось ли ей это.

На опустевшей улице завыл холодный ветер, посыпались листья. В сумерках это место стало похоже на дорогу в преисподнюю.

— ...

— ...

— Сюань У, как я выгляжу сегодня?

— На мой взгляд, господин, безупречно.

— Разве я выгляжу недостаточно мягко?

— Полагаю, господин, вы сама любезность.

— Тогда... может, я улыбался недостаточно приветливо?

— Полагаю, господин, излишнее усердие идет во вред.

<http://bllate.org/book/21755/2249611>